

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

КАМЕННАЯ БОЙНЯ

Эти скалы
оказались
бессильны против
свинца

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Спецназ ГРУ. Боевые романы Сергея Зверева

Сергей Зверев

Каменная бойня

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Каменная бойня / С. И. Зверев — «Эксмо», 2024 — (Спецназ ГРУ. Боевые романы Сергея Зверева)

ISBN 978-5-04-197975-1

Ударные военные романы, написанные настоящим знатоком жанра. Российские спецслужбы выявляют ранее неизвестный канал поставки нового сильнодействующего наркотика. Его переправляют из сопредельного государства по специально оборудованному тоннелю. Известно также, что в ближайшее время ожидается очередной трафик: наркокурьеры уже готовы к выезду. Предотвратить поставку поручено группе спецназа ГРУ командира с позывным Маугли. Бойцы минируют «тропу смерти» и устраивают засаду. Но в последний момент выясняется, что по ту сторону тоннеля остался наш агент, которого нужно срочно вернуть обратно. Это неожиданно меняет план всей операции... Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Горные перевалы, засады и жестокие схватки с бандитами – такова пропитанная порохом атмосфера этих захватывающих боевиков.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197975-1

© Зверев С. И., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Каменная бойня

© Зверев С.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

Все началось с агентурного сообщения. Его получил майор полиции Борис Мешалкин. Он служил в одном из районных подразделений московской полиции, где возглавлял отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Ближе к вечеру, когда Мешалкин намеревался было идти домой, ему позвонил его агент, псевдоним которого был Вокалист.

– Надо бы встретиться, – сказал он. – Есть интересный разговор...

– А что, до завтра твой разговор не потерпит? – вздохнул Мешалкин. За день он устал, и ему не слишком хотелось тащиться на другой конец района, где располагалась конспиративная квартира, на которой обычно происходили встречи Мешалкина и Вокалиста.

– Можно, конечно, и до завтра, – сказал Вокалист. – А только, я мыслю, этот разговор должен был бы состояться еще вчера. Или даже неделю назад. А то, может, и месяц назад.

– И почему же ты молчал весь этот месяц? – буркнул Мешалкин.

– А потому, что месяц назад я ничего еще не знал, – ответил Вокалист. – А сейчас – знаю. Я так мыслю, интересный будет разговор. С дальним прицелом и головокружительными перспективами. Медаль получишь за усердие, – агент хихикнул. – Или, может, повышение по службе. В подполковники выбьешься.

– Остроумничаешь? – поморщился Мешалкин. – Ладно... Жди меня через час, сам знаешь где.

По всему выходило, что, несмотря на усталость и конец рабочего дня, нужно было ехать на конспиративную квартиру. Мешалкин хорошо знал своего агента. Если Вокалист начинал фамильярничать и с ехидством остроумничать, то это означало, что он и впрямь раздобыл ценные сведения. Может быть, даже какие-то срочные. А из этого следовало, что откладывать встречу никак нельзя. Любая информация – она как пирожок: бывает горячей, а бывает и несвежей, утратившей свою актуальность.

Мешалкин сел в машину и поехал. Конспиративная квартира, собственно говоря, не была никакой квартирой. Это было подсобное помещение в одной из забегаловок почти на самой окраине города. Забегаловка носила название «Армянские деликатесы», и владел ею веселый армянин по имени Вазген. Этот самый Вазген по гроб жизни был обязан майору. Когда-то Мешалкин отвалил от Вазгена и его заведения назойливых рэкетилов, и Вазген просто-таки воспыпал благодарностью к Мешалкину.

– Заходи ко мне в любое время! – радостно восклицал Вазген. – Вижу – хороший ты человек! А если ты хороший человек, то приходи ко мне хоть днем, хоть ночью! Всегда будешь моим гостем! Приходи один, приходи с друзьями, приходи с женщиной – с кем хочешь! Накормлю, напою, спать уложу – все для тебя сделаю! Для хорошего человека – я тоже хороший человек! Приходи, иначе я на тебя обижусь! По-настоящему обижусь, по-кавказски!

В ответ Мешалкин рассмеялся и лишь махнул рукой, но тут же и задумался. Конечно, он ничуть не позарился на показное гостеприимство Вазгена и его сомнительные деликатесы. Но в помещении, которым владел Вазген, была одна потаенная комнатка с отдельным входом, так что мало кто обращал внимание и на саму комнатку, и на вход в нее. Очень удобное место для обустройства конспиративной квартиры, в которой Мешалкин мог бы тайно встречаться со своими осведомителями-агентами!

– Обидишься, говоришь? – усмехнулся Мешалкин.

– Обижусь! – горячо подтвердил Вазген.

– Тогда вот что... – сказал Мешалкин.

И он рассказал Вазгену о своей идее относительно конспиративной квартиры. При этом Мешалкин видел, что идея Вазгену не слишком понравилась, но и отказать Мешалкину он не мог.

– А это для меня не опасно? – кислым тоном спросил Вазген.

– Наоборот, – бодро ответил Мешалкин. – Будешь под моей постоянной защитой. Более того – под защитой всей московской полиции. Сплошная для тебя выгода. Никаких рэкетиров, никаких воров!

– А если кто-нибудь узнает? – опасливо спросил Вазген.

– А ты никому не говори, вот никто и не узнает, – сказал Мешалкин. – Понятно, что и я никому ничего говорить не буду. Мне-то – какая выгода болтать?

Вот так Мешалкин и обзавелся конспиративной квартирой. А Вазген, соответственно, стал ее содержателем. И даже получил псевдоним Арцив, что в переводе с армянского на русский означало «Орел». И, надо сказать, Мешалкин ни разу не пожалел, что обустроил в апартаментах у Вазгена конспиративную квартиру. Место было удобное, потайное, к тому же Вазген насчет нее помалкивал, так что никому и в голову не могло прийти, что здесь конспиративная квартира, в которой Мешалкин встречается со своими засекреченными помощниками – агентами и доверенными лицами. А кроме того, Вазген соблюдал традиционное кавказское гостеприимство, и на столе в потайном помещении всегда стояло вино, фрукты, закуски, и все это – за счет заведения, то есть за счет Вазгена, что являлось плюсом. Дело, конечно, было не в вине и не в закусках, однако же в такое конспиративное место осведомители приходили с гораздо большей охотой, чем в какие бы то ни было другие места. Само же место называлось «Пещера», ибо конспиративные квартиры также обязаны были иметь свои имена.

Вот в этой-то «Пещере» Мешалкин и встретился со своим агентом Вокалистом. Раньше Вокалист был ресторанным певцом, оттого, собственно, и получил свой псевдоним. В процессе своей ресторанной певческой карьеры он обзавелся всяческими связями, порой довольно-таки предосудительными, и вольно или невольно стал носителем полезной для уголовного розыска, и для Мешалкина в частности, информации. Мешалкин завербовал его еще в то время, когда он выступал на ресторанных подмостках.

Конечно, не по доброй воле будущий Вокалист согласился на тайное сотрудничество с Мешалкиным – добровольных, движимых чистым энтузиазмом помощников у сыщиков почти не бывает. А просто в один прекрасный момент Мешалкин подловил своего будущего агента на одном сомнительном дельце, которое было, что называется, «в обе стороны», то есть за него можно было на пару годков угодить в тюрьму, а можно было отделаться испугом средней степени тяжести. Но Мешалкин, как опытный оперативник, поставил вопрос таким образом, что перед будущим агентом Вокалистом встал выбор: садиться ему в тюрьму или оставаться на свободе, но не просто за спасибо, а в качестве агента. Само собой разумеется, что ресторанный певец выбрал второй вариант. Вот так он и стал Вокалистом.

И в общем и целом Мешалкин не пожалел, что завербовал певца. Случалось, что агент снабжал его весьма ценными сведениями. Бывало, конечно, и другое – агент всякими способами пытался, что называется, «соскочить с крючка», и тогда Мешалкину приходилось применять целый комплекс воспитательных мер, дабы не лишиться ценных глаз и ушей в лице своего агента. В данный момент Вокалист сидел на крючке надежно, и потому Мешалкин мог рассчитывать на то, что он получит и впрямь ценные сведения.

– Привет! – сказал Вокалист, с ехидным прищуром глядя на Мешалкина. – Поздравляю тебя, а заодно и себя с долгожданной встречей. Вот так и тянет обнять тебя и расцеловать, как отца родного. Как ты думаешь, с чего бы это?

– Должно быть, со вчерашнего перебору, – ухмыльнулся Мешалкин.

– А что, заметно? – хмыкнул Вокалист.

– Просто-таки на лбу написано! – сказал Мешалкин. – Аршинными буквами!

– В принципе, ты прав, – кротко согласился Вокалист. – Признаться, вчера я себе позволил... Да и как не позволить, на этот поганый мир глядя. Тут, понимаешь ли, даже рыба карась

себе позволила, если бы что-нибудь соображала. А я все-таки не карась. А потому хлебну-ка я вот этого винца для равновесия моих душевных чувств. А потом и побеседуем...

Вокалист налил в бокал вина, сделал несколько глотков и поморщился.

– Дрянъ винцо! – категорично заявил он. – Ширпотреб во всем своем сомнительном величии. Нехороший человек этот твой армянин, так можешь ему и передать. Мог бы налить в этот кувшин что-нибудь и попримочить. Ну да каков этот мир, таково в нем и вино. А потому осушу я этот бокал до самого дна. А куда деваться из подводной лодки?

Мешалкин терпеливо ждал, когда его агент выговорится и утолит жажду. Тогда-то можно будет и поговорить. И вот этот момент наступил. Говорил Вокалист всегда подробно, многословно, с разнообразными лирическими и философскими отступлениями, сопоставлениями и прочими нюансами. Мешалкин давно уже притерпелся к такой манере разговора своего агента и потому почти никогда его не перебивал, а просто молча слушал, отделял зерна от плевел и мотал на ус. А если и перебивал, то лишь короткими уточняющими вопросами.

– Дело было двумя днями ранее, – начал рассказывать Вокалист. – Зарулил я, значит, вечером в одно заведение. Ну, ты должен его знать. Ночной клуб, который именуется «Башня». Собирается там всякого рода публика... Ну да для чего я тебе буду говорить такие банальности? Ты и без меня знаешь, кто там собирается. Я-то туда вхожу просто-таки в беспрепятственном порядке, даже к моему фейсу никто не приглядывается. А для чего к нему приглядываться, коли меня в той «Башне» знают, как отца родного? Помнится, радовал я в былые времена тамошнюю публику своими вокальными способностями. Да... Так вот – заруливаю. Одни дарят мне улыбки, другие – жмут руку, третьи – приглашают за стол. Хорошо, присаживаюсь. «А не желаете ли, – вежливо спрашивают у меня, – приобщиться к неземному удовольствию?»

– Кто именно спрашивает? – уточнил Мешалкин.

– Одна веселая компания в количестве четырех человек, – ответил Вокалист. – Две особи мужского пола и две – женского. Обе особи женского пола выглядели очень вульгарно. Просто-таки не поймешь, где у них тыл, а где, наоборот, фасад. И ноги-то у них – да у меня руки толще, чем у них ноги! И при этом, прошу заметить, ни ту, ни другую особь я не знаю. Вот просто-таки в первый раз вижу.

– А особой мужского пола знаешь? – спросил Мешалкин.

– Их-то знаю, – сказал Вокалист. – Имена их мне неизвестны, а вот физиономии и прозвища – известны. Одного, значит, кличут Ливерпуль, а другого неприятно – Мопсиком. А все потому, что уж очень он похож на собачонку этой породы. Значит, один – Ливерпуль, а второй – Мопсик.

– Угу... – кивнул Мешалкин.

Он знал и Ливерпуля, и Мопсика. Оба они были сынками богатеньких родителей, оба – праздными бездельниками да к тому же еще и личностями, изрядно подсевшими на всякого рода наркотические вещества. У Мешалкина имелось подозрение, что и Мопсик, и Ливерпуль активно распространяют наркотики по ночным клубам. Подозрение имелось, а вот прямых доказательств не было.

– Говори дальше, – сказал Мешалкин.

– Говорю, – кивнул Вокалист. – Стало быть, они у меня спрашивают, не желаю ли я приобщиться к неземному удовольствию. «И что же это за удовольствие?» – спрашиваю. «А ты разок затянись, и пропадет у тебя охота задавать всякие вопросы!» – отвечает мне не то Мопсик, не то Ливерпуль. – В точности тебе говорю – хватит одной затяжки! Убойная штучка!» И протягивает мне сигаретку. Ну, ты же знаешь, что я никакой не наркоман. А если я и позволяю себе иногда продегустировать ту или иную заразу – так это исключительно ради нашего с тобой общего дела. Знаешь ты об этом или не знаешь?

– Знаю, – кивнул Мешалкин. – Ты давай говори дальше, и желательно без отклонений.

– Так ведь как же – без отклонений? – не согласился Вокалист. – Без них никак невозможно. В отклонениях, можно сказать, как раз и заключается вся суть. Я же у тебя не на допросе – чтобы без отклонений рассказывать!

– Ладно, ладно! – махнул рукой Мешалкин. – Говори, как хочешь, хоть в рифму.

– Так вот, протягивает мне сигаретку... – продолжил агент. – Ну, ты ведь и без меня знаешь, что в таких заведениях, как «Башня», от подобных предложений отказываться не принято. Попробуй откажись. Мигом станут смотреть на тебя подозрительно. И тогда – конец всему. Что ты! Могут и придушить где-нибудь в нужнике... Так что волей-неволей пришлось соответствовать правилам. Ну, я и затянулся... По оплошности – два раза вместо одного, о чем потом горько пожалел. Потому что такой заразы я не пробовал отроду! Ты не поверишь – это что-то невероятное! Если желаешь, могу рассказать тебе обо всех ощущениях и во всех подробностях.

– Не желаю! – махнул рукой Мешалкин. – Лучше расскажи о самой отраве. Насколько я понял, это какая-то новая штучка?

– Так о том я и говорю! – воскликнул Вокалист. – Именно так – новая штучка! До сих пор невиданная и неслыханная!

– Вот как, – насторожился Мешалкин. – Тогда с этого момента подробнее.

– Так ведь я и так – подробно! – оскорбился Вокалист. – Ты, главное, слушай, запоминай и делай выводы. Тут, понимаешь, есть над чем поразмыслить. И скажи мне, что я не прав...

– Прав, прав, – Мешалкин невольно улыбнулся. – Я весь внимание. Говори.

– Ну, так вот, – продолжил агент. – Курнул я, значит, два раза. «Ну, и как – торкнуло тебя?» – спрашивает меня то ли Ливерпуль, то ли Мопсик, а может, и какая-нибудь из страховодных девах. Не помню, кто именно, потому что, поверишь, я просто-таки потерял ощущение и времени, и пространства, позабыл и о самом себе – вот ведь как зацепила меня эта холера! «Еще как!» – отвечаю, а сам, поверишь, не слышу собственного голоса. Тот голос, который у меня спрашивает, его я слышу, а свой не слышу! «И что это, – спрашиваю, – за такая расчудесная субстанция? Ведь не гашиш и не марихуана!» – «Это, – отвечают мне мои собеседники, – новая штучка. Называется “тоннель”».

– Как-как? – переспросил Мешалкин.

– Вот и я задал им точно такой же вопрос, – ответил Вокалист. – «Тоннель» – так эта дрянь и называется.

– И почему же такое название? – спросил Мешалкин.

– Ну, ты же знаешь, что у каждого наркотика – свое собственное имя, – ухмыльнулся агент. – Поэтическая, так сказать, вольность. Кокаин – это «кокс», или «белый», анаша – это «драп», марихуана – «марья ивановна». И так далее. А эта штука, значит, именуется «тоннель». Может, оттого, что ее, помимо курения, еще и вводят в вену, а вена, как ты знаешь, на языке наркоманов также именуется «тоннель». А может, так эта дрянь называется по какой-то другой причине. Говорю же – не знаю. Да и Ливерпуль с Мопсиком и со своими девахами также этого не знают. «Тоннель», и все тут. А в общем, даже не в том дело, как она именуется. Дело-то в другом, в том, что в городе появилась новая отравка, до сих пор неслыханная. И она, как я понял, намного страшнее всяких таких «драпов» и «коков». Точно тебе говорю!

Вокалист умолк и потянулся к вину. Он налил напиток в бокал, выпил, поморщился, налил второй... Молчал и Мешалкин. Он размышлял. Дело выглядело скверно. Коль в городе появился новый вид наркотика, значит, его кто-то сюда доставил! А вот кто – о том Мешалкин не имел пока никакого представления. Ясно было одно: это новый канал поставки. И попробуй вот так вот, не имея никакой подробной информации, напасть на след поставщиков! А напасть надо, причем чем быстрее, тем лучше. Потому что это был не совсем обычный наркотик: тут Мешалкин верил своему агенту Вокалисту просто-таки стопроцентно. Ну, а коль он необычный, то очень скоро большая часть наркоманов переключится именно на него, отодвинув в

сторону всяческие патриархальные «драпы» и прочую гадость. И начнут в ускоренном темпе загибаться и умирать. Да она не та еще беда, что наркоманы начнут массово умирать – в конце концов, они сами выбрали для себя путь к гибели. Истинная беда была в том, что прежде чем умереть, они всякими способами постараются добыть для себя деньги, чтобы приобрести этот наркотик. А это означает, что участвуют кражи, грабежи, а то и убийства. Вот что было по-настоящему страшным! А потому надо было действовать. Надо было во что бы то ни стало и как можно скорее напасть на след тех, кто доставляет этот чертов «тоннель» в город. И, в частности, в район, в котором трудится Мешалкин. Ведь, в конце концов, ночной клуб «Башня», о котором ведется речь, именно в его, Мешалкина, районе!

– Больше они тебе ничего не сказали? – спросил майор.

– Мопсик с Ливерпулем? – ухмыльнулся Вокалист. – Кое-что сказали... А хочешь, спрашивают, получать такое удовольствие каждый день в неограниченном количестве? Тут главное не торопиться с ответом на такой вопрос. Потому что торопливость означает ненужное, а потому подозрительное любопытство. А это настораживает. И наоборот: уход от ответа настораживает также. «Ну, – отвечаю, – как тебе сказать... Ты, что ли, будешь доставлять мне такую радость?» – «А может, и я», – отвечает то ли Мопсик, то ли Ливерпуль. И вот тут-то я задумался. Зелье на меня, понимаешь ли, продолжает действовать, а я – в размышлениях. Вот такая у меня опасная работа ради того, чтобы ты выбился в подполковники!

– И что же ты им ответил? – не обращая внимания на последнюю реплику, спросил Мешалкин.

– Ливерпулю и Мопсику? А что я им мог ответить? Ведь они предлагали мне поучаствовать в распространении этого самого «тоннеля». За малую долю – понимаешь ты это или не понимаешь?

– Еще как понимаю, – ответил Мешалкин. – Именно в том и состоял их намек.

– А оно мне надо, такое горе? – сказал Вокалист иронично и одновременно горестно. – Ведь когда я попадусь, а попадусь я обязательно, ты, небось, не станешь вытаскивать меня из тюрьмы? Не такая это статья – торговля наркотиками, – чтобы хватило даже твоего авторитета! Я прав или я не прав?

– Наверно, прав, – вздохнул Мешалкин.

– Вот видишь! А потому ну его к лешему, такое удовольствие. Я сделал вид, что подумаю над предложением, а сам-то я решил от него отказаться. Тут, ежели отказаться по-умному, то никаких последствий быть для меня не должно. Да и сами они, Ливерпуль с Мопсиком, ничего такого мне не говорили. Только намекнули... А намек – это не доказательство. Намек к делу не пришьешь.

– Значит, ты утверждаешь, что Ливерпуль и Мопсик торгуют этим самым «тоннелем»? – спросил Мешалкин.

– Ничего я не утверждаю, – ответил Вокалист. – Ты посуди сам – как я могу это утверждать? Тут нужны доказательства, а их у меня нет. Говорю же тебе – только прозрачные намеки. А намек – дело ненадежное. Тут, понимаешь ли, одно из двух. Либо они и вправду торгуют «тоннелем», либо так, блефуют. Ну, например, чтобы показаться важными персонами перед теми своими девахами, у которых ни заду, ни переду... Хотя может быть и третий вариант. Сами-то они не торгуют, а просто их попросили, чтобы они подыскали надежных розничных торговцев. Ну, вроде меня...

– Кто попросил? – не понял Мешалкин.

– Настоящие торговцы, кто же еще! – пожал плечами агент. – Оптовики. Думаю, что так оно и есть на самом деле. Торговля наркотиками, а тем более новым наркотиком, – дело такое... Тут, понимаешь ли, без доверия нельзя. А кто станет доверять таким невнятным личностям, как Ливерпуль и Мопсик? А вот доверить им как посредникам, то есть чтобы они подыскали надежного распространителя, – почему бы и нет? Конечно, и тут имеется риск, но это мини-

мальный риск. Ну, а что ты хочешь? Торговать наркотиком без риска никак невозможно... А больше я тебе ничего и не скажу, потому что мне больше нечего сказать.

– Да ты и без того загрузил меня по самую макушку, – скривился Мешалкин.

– Что да, то да, – согласился Вокалист.

– Ладно... Ты там не суйся ни в какие торговцы. Твое дело – сторона. Наблюдай, анализируй. Ну, и, если что, звони. А пока вот тебе за труды твои праведные, – Мешалкин полез в карман и достал несколько купюр. – Вот здесь распишись в получении.

На том они и расстались. Мешалкин сел в машину, но трогаться с места не спешил. Он размышлял, с чего же ему начать расследовать это дело. По всему выходило, что начинать нужно с Ливерпуля и Мопсика. Ну и, конечно, с хозяина этого поганого заведения под названием «Башня». Мопсик и Ливерпуль – это само собой, но и без хозяина никак. Ведь вполне возможен и такой вариант, что наркотик в заведении распространяет сам хозяин. Или кто-то из его работников. Мешалкин уже с такими случаями сталкивался, и не единожды.

«А все-таки – почему эту заразу назвали именно «тоннель»? – невольно подумал Мешалкин. – Странное название для наркотика...» Это, разумеется, был исключительно риторический вопрос. Мешалкин тяжело вздохнул и нажал на педаль. Машина тронулась и вскоре смешалась с потоком машин, которых так много по вечерам на городских улицах.

Глава 2

В подчинении у Мешалкина были три человека – Василий Лосенок, Сергей Герасимов и Архип Железняк. Это были молодые, энергичные и задорные оперативники, лишь несколько лет назад окончившие полицейскую академию. Между собой они называли Мешалкина дядей, батей, а иногда даже и дедом. Мешалкин об этом знал, но никак на такие прозвища не реагировал, да и зачем было на них реагировать? Он и в самом деле был гораздо старше своих подчиненных и иногда и впрямь ощущал себя и дядькой-наставником, и отцом-радетелем, и даже дедом для своих подчиненных. Так на что здесь реагировать и на что обижаться? Все правильно, все справедливо, все в соответствии с законами жизни.

На следующий день после встречи с агентом Вокалистом Мешалкин собрал свое немногочисленное воинство и рассказал о том, что он узнал от агента. Рассказ произвел на молодых оперов впечатление.

– Мало нам беды, так еще и «тоннель»! – сокрушенно произнес Василий Лосенок. – Мыслью, не видать мне отпуска, пока не нападём на след этих «тоннельщиков»!

– Правильно мыслишь, – усмехнулся Мешалкин. – И первый, кто будет против твоего отпуска, – это я.

– Кто бы сомневался! – буркнул Лосенок. – Эх, бросит меня моя невеста! У нас с ней такие планы на отпуск! А тут на тебе – «тоннель»! Точно говорю – бросит. Зачем, скажет, мне такой жених? Что он есть, что его нет...

– И правильно сделает, если бросит, – поддел товарища Архип Железняк. – Что с тебя толку? В самом деле – что ты есть, что тебя нет... Все время на работе.

Лосенок глянул на Железняка, соорил свирепую физиономию, но ничего не сказал.

– Ну, не так все и печально, – заступился за Лосенка Сергей Герасимов. – Не все еще потеряно. Вот встретимся мы все сообща с твоей невестой и объясним ей, что к чему. Скажем: не по собственному желанию пропадает невеста где твой жених днями и ночами, а исключительно ради блага общества. «Тоннель», понимаешь ли, ищет.

– Точно! – поддержал Герасимова Железняк. – Так и скажем – ищет «тоннель»! То-то невеста обрадуется.

– Ну да, – хмыкнул Лосенок. – Так я вас и подпустил к моей невесте, похабников... Сам как-нибудь справлюсь.

– А тогда и не страдай, – сказал Железняк. – Вооружись полученными в академии знаниями, сделай мудрое лицо и вперед по следу!

Мешалкин не вмешивался в эту шутивную перебранку. Он терпеливо ждал, пока его парни выговорятся, так как понимал – так они настраиваются на работу. А работа предстояла долгая, кропотливая, утомительная, муторная. Напасть на след поставщиков этого окаянного «тоннеля» – это тебе не люля-кебаб скушать в заведении Вазгена!

Перебранка утихла сама собой, и оперативники выжидательно уставились на своего начальника.

– Ну, так что будем делать? – спросил Мешалкин. – С чего начнем?

– Понятно, с чего, – сказал Василий Лосенок. – С душевного общения с Ливерпулем и Мопсиком. Ну и, конечно, с их боевыми подругами. Пускай для начала они расскажут, откуда раздобыли этот чертов «тоннель». Ну, а дальше будет видно.

– Надо бы навести шороху и в самой «Башне», – предложил Сергей Герасимов. – Сделать аккуратный досмотр, потрясти официантов, поваров и охранников... Быть того не может, чтобы никто ничего не знал. Ну, а затем наведаться и к самому хозяину заведения...

– Ну да, – не согласился Архип Железняк. – Атака в лоб... И что она даст? Все упрутся, как бараны, и чем ты их прошибешь? Да еще и следы заметут... Нет уж, тут надо действовать тоньше...

– И что же, ты знаешь, как именно? – не желал сдаваться Герасимов.

– Может, и знаю... – загадочно ответил Железняк.

– Ну, так поведай, – сказал Герасимов. – Сообща и определим, стоящее это дело или нет.

– Еще какое стоящее! – усмехнулся Железняк. – Трудится в том заведении одна милая особа женского пола по имени Айгуль. Мигрантка из одной дружественной страны. И, как полагается всякому порядочному мигранту из тех краев, трудится она там на нелегальном положении. Этакая официантка-призрак, – Железняк усмехнулся еще раз. – Но дело даже не в этом, а в том, что любит она меня – до безумия! Вот прямо так и сказала – люблю, говорит, и мечтаю, чтобы ты стал моим господином! То есть – мужем...

– Да врешь ты все! – не поверил Лосенок. – Интересно знать, где это ты с ней познакомился?

– В «Башне» и познакомился, – пожал плечами Железняк. – Месяц назад, когда мы всей нашей компанией проводили там рейд. Помнишь? Тогда-то и промелькнула промеж нас искра... Точнее сказать, это со стороны Айгуль образовалась та самая искра, а я-то – кремьн!

– Все равно врешь! – махнул рукой Лосенок.

– Можешь и не верить, – приняв оскорбленный вид, ответил Железняк. – А только вот что я думаю... Если, предположим, мне взять да и подойти к той Айгуль с правильной стороны... Так, мол, и так, трали-вали... И между делом задать ей нужные вопросы. Глядишь, она на них и даст интересные ответы... А отчего и не дать, коль спрашивает ее не абы кто, а человек, в которого она влюблена? А? Психология! И что вы на это скажете?

Вопрос был задан как бы всем присутствующим, но было понятно, что ответ на него должен был дать Мешалкин.

– А ты точно не врешь насчет этой мигрантки? – спросил майор.

– И вы туда же! – сокрушенно вздохнул Железняк. – Ладно бы Вася Лосенок – что с него взять, с обормота? Но вы-то! Эх... Да если хотите знать, я с ней, с этой Айгуль, после рейда встречался целых четыре раза! Даже пять... Нет, точно, четыре. Пятый раз не считается... И, прошу заметить, не на предмет амуров, а исключительно ради получения от нее оперативной информации! Она мне, значит, про любовь, а я ей – всякие наводящие вопросы... О «тоннеле», конечно, я не спрашивал, но теперь-то спрошу обязательно. Ну, так как?

– Развратник, – с показушным негодованием произнес Лосенок. – Аморальный и беспринципный тип! Девушка ему – о любви, а он с ней – черт знает о чем! Прямо Дон Жуан!

– Ну, – усмехнулся Железняк, – этому самому Дону Жуану было проще. Он в уголовном розыске не работал. А вот если бы он был опером, как мы, то тут бы ему было не до любви... Между прочим, я все больше и больше начинаю подозревать, что уголовный розыск и любовь – понятия просто-таки несовместимые. Я прав? – взглянул Железняк на Мешалкина.

– Что ж, встретиться со своей мигранткой, – пряча улыбку, ответил майор. – Идея не такая уж и плохая...

– Слыхал? – Железняк победоносно глянул на Лосенка. – Это слова мудрого человека. А ты, Василий, как есть остолеп! И что только в тебе нашла твоя невеста?

– Ступай, – Мешалкин махнул рукой Железняку. – Вечером доложишь, что к чему. А нам нужно будет пообщаться с Ливерпулем и Мопсиком. Но прежде созвонимся с отделениями полиции соседних районов и городов и узнаем, что у них слышно о «тоннеле».

– Кстати, а почему «тоннель»? – спросил Герасимов. – Уж шибко необычное название для наркотика.

– Вот и я размышляю о том же самом, – вздохнул Мешалкин. – И не нахожу пока ответа. А хочется найти.

Глава 3

Связаться с отделениями полиции соседних районов и окрестных городов было делом несложным, а потому и недолгим. Результат же оказался одновременно и многозначительным, и удручающим. Оказалось, что и в соседних районах города, и в других городах местные оперативники уже знают о «тоннеле». Знать-то знают, но при этом никто внятно не смог пояснить, откуда этот наркотик возник. По всему выходило, что появился он недавно, но откуда именно он взялся и какими путями попал на черный рынок – на этот вопрос никто так и не дал внятного ответа. «Работаем, ищем, – отвечали оперативники на местах. – Если раскопаем что-нибудь стоящее, то, конечно, поделимся информацией. А что, у вас тоже появился этот «тоннель»? Вот так дела... А вы случайно не знаете, отчего у него такое название? Вот и мы пока не знаем...»

– Да, дела, – сокрушаясь, покрутил головой Василий Лосенок. – Ничем нам не помогли братья-опера. Что ж, придется рыть землю самим. Как говорил поэт, задрал штаны, бежать за наркоманом... Ну, или что-то в этом роде.

...И Ливерпуль, и Мопсик были личностями, в уголовном розыске известными. Мешалкин и его подчиненные знали, где эти двое живут, где проводят вечера и ночи. Жили они вместе с родителями в особняках в одном из элитных городских районов. Более того, особняки эти располагались по соседству друг с другом. Ну, а вечера и ночи Мопсик и Ливерпуль проводили в различных увеселительных заведениях – в последнее время все больше в той самой «Башне».

Возникал вопрос – где было сподручнее взять Мопсика и Ливерпуля? По месту их жительства? Можно, конечно, и так, однако же здесь имелись некоторые неудобства, причем довольно-таки существенные. Помимо самих Ливерпуля и Мопсика, в доме обязательно будут и другие люди. А это шум и гвалт, а где шум и гвалт, там и огласка. Огласка оперативникам была не нужна. Ведь что такое огласка? Это возможность спрятать какие-то концы и уйти на дно тем гипотетическим персонажам, с которыми Мопсик и Ливерпуль, возможно, были как-то связаны в плане распространения наркотика «тоннель». А поэтому и Ливерпуля, и Мопсика нужно было брать тихо. А тихо – это означает неожиданно. А неожиданно – это означает, что их до поры до времени никто не хватится. А коль не хватится, то и не поднимет шума. А коль не поднимет шума, то, значит, никто из возможных подельников этой парочки не уйдет на дно. Потому что для чего уходить на дно, коль кругом тихо?

Все это было оперской азбукой, которую оперативники прекрасно знали. И уж, конечно, лучше всего такую азбуку знал сам Мешалкин. Он решил так. Архип Железняк – не в счет, он будет общаться с официанткой Айгуль, работающей в ночном клубе «Башня». Значит, оперативников остается трое. Двое из них – Лосенок и Герасимов – займутся Ливерпулем. Они должны его выследить, выбрать удобный момент, задержать и мигом доставить в районное управление полиции. И тотчас же, не давая ему опомниться, приступить к допросу. Расчет был на то, что пока Ливерпуль придет в себя, он, так или иначе, выболтает много чего интересного, если, конечно, он вообще что-нибудь будет знать по существу задаваемых ему вопросов. К слову, все это также было элементарной оперской азбукой.

Ну, а сам Мешалкин займется Мопсиком. Да, конечно, одному ему будет несподручно, поэтому он возьмет себе в помощь какого-нибудь сержантика. Так что действуем. Все должно получиться с первой попытки, иначе огласка и проистекающие из нее печальные последствия.

* * *

Герасимов и Лосенок решили подождать своего подопечного Ливерпуля у того самого особняка, где он, предположительно, проживал. Конечно, они не знали, дома ли Ливерпуль, а потому действовали наугад. Потому что надо же было с чего-то начинать.

К особняку оперативники подъехали на выдавшем виды «жигуленке», принадлежавшем Герасимову. Точнее сказать, отцу Герасимова. У него-то Сергей и выпросил «жигуленок» для «оперативных нужд». Отец поворчал, но уступил машину. У самого же Сергея, равно как и у Василия Лосенка, собственного автомобиля не было. Подъехав к особняку, оперативники пристроились на противоположной стороне улицы так, чтобы никто не обращал на них особого внимания, и стали ждать.

Ждали они долго, почти до самого вечера. Ворота особняка то и дело открывались, из них выезжали шикарные автомобили самых разных цветов и марок, спустя какое-то время они возвращались, затем выезжали вновь, и так без конца. Теоретически рассуждая, в любой из этих машин мог быть Ливерпуль либо за рулем, либо в качестве пассажира. Тут главным было не упустить его, а для этого нужно было внимательно вглядываться внутрь каждой машины, стараясь определить, кто именно находится в ее салоне. Занятие утомительное уже само по себе, а если к этому добавить, что у большинства машин стекла были затемненными, то дело в принципе и вовсе представлялось почти безнадежным. Потому что попробуй-ка определи, кто там сидит, за тонированными стеклами! И, тем не менее, надо было следить, надо было вглядываться.

– А давай будем наблюдать по очереди, – предложил Лосенок. – А то у меня уже и глаз замылился, и вообще – голова кругом. Умом можно тронуться от такого занятия.

– Ну, давай будем по очереди... – согласился Герасимов. – Ты, значит, пока отдохни, а я понаблюдаю. А потом поменяемся. Между прочим, где-то поблизости должен находиться и наш шеф Мешалкин. Может, он кого-нибудь углядит. У него глаз понадежнее нашего. Да и выдержки на десятерых хватит. Это ты у нас утонченный неврастеник.

– Сам ты неврастеник, – лениво огрызнулся Лосенок. – Лучше наблюдай, чтобы нам не упустить гражданина Ливерпуля...

...Ближе к вечеру и обнаружили и Ливерпуля и Мопсика. А дело было так. Вначале к воротам подрулил красный «Порше», остановился, посигналил. Ворота отворились, в них появился охранник. Из машины вышел какой-то молодой человек и что-то сказал охраннику. Охранник ему ответил и прикрыл ворота. Молодой человек не стал заезжать во двор, а принялся лениво прохаживаться у своего «Порше».

– Глянь, – толкнул Герасимов Лосенка, – а ведь это, кажись, мосье Мопсик собственной персоной! Точно он! Приглядишься-ка!

– Он! – ахнул Лосенок. – Его рожу да не отличить от других! Вот только интересно, за каким чертом он сюда приперся?

– Я так думаю, что завернул за своим дружком Ливерпулем, – предположил Герасимов.

– Хорошо, если так, – неуверенно произнес Лосенок. – А вот я сейчас позвоню шефу... Алло, шеф! Тут мы наблюдаем вашего подопечного – гражданина Мопсика! На красном «Порше»...

– Вижу, – отозвался из мобильного голос Мешалкина. – И его вижу, и вас тоже...

– И что же будем делать? – спросил Лосенок.

– Ждите моей команды, – коротко приказал Мешалкин.

– Все понятно, – ответил Лосенок.

Вскоре ворота особняка распахнулись, и из них вышел еще один молодой человек.

– Вроде как Ливерпуль... – сказал Лосенок, вглядевшись.

– Ну да, он, – сказал Герасимов. – Его портрет в натуральном виде... Звони деду!

– Алло! – позвонил Лосенок. – Тут мы наблюдаем и другого персонажа – Ливерпуля. Что будем делать?

– Как только они отъедут, поезжайте за ними, – сказал Мешалкин. – А я – за вами. Проследим, выберем подходящее место и по моей команде...

– Вас понял, – по-деловому ответил Лосенок и взглянул на напарника. – Как только они отъедут, поезжай за ними следом. А батя – за нами. И ждем от бати команду...

Тем временем Ливерпуль и Мопсик о чем-то посоветовались, затем уселись в машину, и «Порше» тронулся с места. Выждав несколько секунд, Герасимов поехал следом. В зеркало заднего вида он заметил – их начальник Мешалкин следует за ними. Теперь было главное – не упустить «Порше» из виду. И, конечно, не дать Ливерпулю и Мопсику почувствовать, что за ними следят. Слежка – дело тонкое, тут надобны и умение, и выдержка, и интуиция. И неважно при этом, за кем именно ведется слежка – за какими-то матерыми преступниками или за двумя легкомысленными и беспечными мажорами. Правила одни и те же.

– Интересно, куда это они едут? – спросил Лосенок. – Глянь, поворачивают направо...

– В «Башню» они едут, куда же еще! – проворчал Герасимов. – Дорога знакомая...

– А дед-то от нас не отстает! – сказал Лосенок, оглянувшись. – Следует за нами, как пристегнутый.

– На то он и дед, – ответил Герасимов. – Глянь, они остановились! Интересно, для какой такой надобности?

И в самом деле – «Порше» затормозил. И как только он затормозил, к нему подошел какой-то мужчина. Задняя дверь «Порше» отворилась, мужчина сел внутрь, машина тронулась.

– Хм, таинственный пассажир, – ухмыльнулся Лосенок. – Ты его разглядел?

– Постольку-поскольку, – ответил Герасимов. – Толкотня такая, что и не разглядишь. Да и далековато...

– Вот и я тоже не разглядел, – вздохнул Лосенок. – А надо бы... Нутром чую, что надо бы.

Тем временем «Порше» свернул в какой-то узкий переулок и остановился. Дверь машины отворилась, и из нее вышел тот самый таинственный пассажир. Не оборачиваясь, он пошел по тротуару. Но прежде чем тот пошел, Лосенок успел сделать несколько фотоснимков с помощью сотового телефона.

– Хоть что-то... – проворчал он.

Вскоре «Порше» опять остановился. На этот раз к машине подошли две девицы, задняя дверца опять открылась, девицы уселись в машину, и она тронулась с места.

– Вот только девок нам и не хватало, – проворчал Лосенок. – Морока с этими девицами. Станешь их задерживать – всю личность тебе исцарапают. А уж сколько будет визгу! Испробовано неоднократно. А и не задерживать их тоже нельзя. Мало ли...

Раздался телефонный звонок. Звонил, конечно же, Мешалкин.

– Берем! – дал он команду и отключил связь.

– Дед сказал «берем»! – произнес Лосенок. – Ох, чувствую, будет нам концерт по заявкам!

Задерживать подозреваемых – здесь тоже надобны и умение, и сноровка. Впрочем, Герасимов и Лосенок, не говоря уже о Мешалкине, таким умением обладали. Поэтому, как только прозвучала команда, Герасимов в нарушение всех дорожных правил прибавил ходу, обогнал «Порше» и перегородил ему дорогу. А Мешалкин с сержантом тем временем пристроились сзади. Теперь «Порше» не было ходу ни взад, ни вперед.

Раздался визг тормозов, «Порше» едва успел затормозить. Из машины выскочили разъяренные Ливерпуль и Мопсик. Их ярость была понятна – дорогу им перегородил какой-то дрянной, негодный «жигуленок». Ну, разве это не оскорбление для таких значительных лич-

ностей, как Ливерпуль и Мопсик? Следом за кавалерами выскочили и обе девицы. Оперативники также вышли из машины.

– Вы чё! – со свирепым видом заорал Ливерпуль. – Берега попутали, что ли? Неприятностей захотели? Ну, так будут вам неприятности, обещаю!

Все эти традиционные для такого случая слова Ливерпуль выкрикивал попеременно с отвратительными ругательствами. Крича и ругаясь, Ливерпуль и Мопсик подошли вплотную к Лосенку и Герасимову.

– Будут у вас неприятности, гарантирую! – повторил Ливерпуль.

– Это у тебя будут неприятности, – с улыбкой ответил Лосенок. – И у твоего дружка тоже. И, я так думаю, и у ваших девиц.

– Что ты сказал? – взвизгнул Мопсик.

Продолжая улыбаться, Лосенок достал из кармана наручники.

– Закрой рот и протяни руки, – спокойным, даже каким-то скучающим голосом произнес он. – И ты тоже, – он взглянул на Ливерпуля. – И без резких движений. А то тут же и ляжете рожками в асфальт.

– Что такое? – все таким же визгливым голосом произнес Мопсик. – Да ты знаешь, кто мы такие? Да мы...

– Знаю, – сказал Лосенок, и беспечная улыбка на его лице превратилась в подобие хищного оскала. – Я сказал – протяните руки! Живо!

В голосе Лосенка было что-то такое, что заставило Ливерпуля и Мопсика попятиться. Впрочем, пятиться им было некуда, потому что сзади к ним неслышно подошли Мешалкин и сержант. У майора застыло на лице скучающее, даже брезгливое выражение. Никаких слов ни Мешалкин, ни сержант не говорили, но именно это молчание и оказалось решающим. Мопсик и Ливерпуль протянули руки, Лосенок мигом защелкнул один браслет наручников на запястье Ливерпуля, а другой – Мопсика. В итоге Мопсик и Ливерпуль оказались пристегнутыми друг к другу.

– Вот так, – сказал Лосенок, и ощупал карманы Мопсика. Ливерпуля обыскал Герасимов.

Ничего особенного оперативники в карманах мажоров не обнаружили – лишь деньги и ключи от машины. А вот водительских прав не оказалось.

– Как же они без прав ездят по городу? – удивленно спросил сержант.

– Вот так и ездят, – процедил сквозь зубы Лосенок. – А что ты хочешь – хозяева жизни... Для чего хозяевам какие-то там права? Вот тебе ключи, и отгони их драндулет на штрафную стоянку. Видишь они притормозили у запрещающего знака? Значит, мы действуем по закону. В общем, гони. Справишься?

– Справлюсь, – заверил сержант.

– А вы, оба молодца, одинаковых с лица, пожалуйста в нашу машину, – обратился Лосенок к Ливерпулю и Мопсику. – Да поживее, а то ведь я и помочь могу!

– У тебя будут проблемы! – злобно взвизгнул Мопсик. – У вас у всех будут проблемы! Вот увидите! Вы не знаете, с кем связались! У нас...

Лосенок не дал ему договорить. Он ухватил Мопсика за шиворот, а Герасимов ухватил за шиворот Ливерпуля. Несколько ловких слаженных движений – и оба мажора оказались внутри «жигуленка».

– Вот так, – сказал Лосенок, вытирая руки платком, который он машинально извлек из кармана. – А вы, красавицы, садитесь-ка в машину вот к этому суровому дяденьке, – Василий указал на Мешалкина, – и не вздумайте его обижать, понятно вам? Он хоть и старенький, но... Я все правильно делаю, шеф? – глянул он на Мешалкина.

– Правильно, – вздохнул майор. – Прямо-таки не подкопаешься.

– А тогда прошу, – и Лосенок сотворил перед девицами галантный жест истинного кавалера.

И тут началось. Девицы разом подняли истошный, злобный визг попеременно с бранью.
– Мы никуда не пойдём! – кричали они. – Вы не имеете права! У вас будут проблемы!
– Ну, началось! – поморщился Лосенок. – Как я и предсказывал... Того и гляди – ещё и рожу мне расцарапают... И как я появлюсь перед невестой с расцарапанной рожой? Какие оправдательные слова я ей буду говорить? Серега, слово за тобой...

Герасимов вынул из кармана ещё одни наручники, а из другого кармана – рулон скотча.
– Ша! – гаркнул он, и это было так неожиданно, что девицы на миг умолкли. – Сейчас этим скотчем я заклею ваши милые роты! А эти наручники – надену на ваши красивые ручки! Вы же не хотите этого? Или хотите?

Прием с наручниками и скотчем был, можно так сказать, фирменным изобретением оперативников. И обычно он действовал на всяких нервных дам самым отрезвляющим образом. Подействовал он и сейчас. Девушки больше не возмущались.

– Вот так-то лучше, – Лосенок расцвел в радушной улыбке. – К чему всякие визги и вопли, когда все можно решить полюбовно? Так что прошу в машину. И, сказано вам, не обижайте там дедушку! Шеф, я все правильно говорю?.. – Лосенок перевел дух и закончил свою тираду: – Вот ведь сколько хлопот и нервного истощения! А ведь всего-то – четверо переростков! Если разобраться – мелочь пузатая...

Глава 4

При допросе задержанных оперативники решили применить старый испытанный прием – допрашивать каждого задержанного втроем. Такой способ допроса заключает в себе множество достоинств. Он действует на допрашиваемого психологически, не дает ему возможности опомниться и подумать над ответом, а значит, не позволяет и соврать. Потому что как тут соврешь, когда вопросы сыплются один за другим, со всех сторон и непрерывно? А потому поневоле приходится говорить правду. Над правдивым ответом думать не нужно, это ложный ответ надо вначале выдумать, а затем уже произносить вслух. А как тут выдумаешь, когда вопросы сыплются на тебя со всех сторон, будто камни при обвале в горах?

Начать решили с самого слабого звена, то есть с девиц. Прежде чем допрашивать, оперативники подвергли их психологической обработке. Это был простой, в принципе безобидный и проверенный временем и практикой способ. Вначале дама в полицейской форме обыскала девиц. Вроде бы и ничего такого, однако же известно, что обыск действует угнетающе на каждого человека, а уж на дам – тем более. Затем дежурный отвел обеих девиц в специальное помещение для задержанных.

Помещение было, как ему и полагается, разделено решеткой на две половины – мужскую и женскую. Девиц, само собою, поместили в женскую половину. Там никого, кроме самих девиц, не оказалось, зато в мужской половине присутствовали несколько арестантов. И среди них – некая колоритная личность, помещенная в мужскую половину заблаговременно и заранее же ознакомленная с некоторыми специфическими инструкциями. Можно сказать, что это была подсадная утка, и такое утверждение будет вполне верным и обоснованным.

Так вот. Едва только девиц поместили в женскую половину, колоритная личность начала свое представление по заранее утвержденному сценарию.

– Ах, какие красотки! – заорала личность, буквально-таки кидаясь на решетку, отделяющую мужскую половину от женской. – Слышь, начальник, а давай-ка их сюда, в нашу хату! Думаю, братва не откажется от такого подарка? А, братва, – не откажемся? В общем, отпирай дверь, начальник, и веди их к нам! А мы уж тут разберемся! Га-га-га! Гы-гы-гы!

И колоритная личность, изображая любовное томление, принялась буквально-таки кидаться на решетку. Дежурный, заранее предупрежденный операми, не пресекал это безобразие, лишь весело скалил зубы. Конечно, какая-нибудь опытная и тертая дама мигом бы раскусила суть такого дешевого спектакля, но обе девицы не были ни опытными, ни тертыми. Вся их жизнь протекала в ресторанах и ночных клубах с разными кавалерами, которые ничуть не были похожи на колоритную личность, а это, как говорится, совсем другой сюжет.

Вот потому-то к допросу обе девицы подошли психологически подготовленными, то есть напуганными, ошарашенными, взвинченными и нервными. А уж допрашивать таких-то – нет ничего проще, они мигом все выложат, поведают всю правду, лишь бы только вновь не оказаться в этой ужасной клетке по соседству с ужасной колоритной личностью.

Девиц доставили в кабинет не поодиночке, а сразу обеих, и первым делом они дружно расплакались, размазывая слезы по раскрашенным в четыре слоя щекам.

– Ну-ну, – принялся по-отечески утешать их Мешалкин. – Зачем же плакать? Плакать не надо. Вот сейчас мы зададим вам парочку вопросов, вы на них честно ответите и ступайте себе по домам. Даю вам слово, что отпущу. Но только отвечать нам надо честно, без всяких вран и выдумок! Вы меня понимаете?

– Да-да! – с испуганной готовностью закивали девицы. – Спрашивайте, мы все вам расскажем!

Рассказали девицы не так уж и много, но кое-что полезное оперативникам от них все же удалось узнать. Перво-наперво – о «тоннеле». Да, его в «Башне» сколько хочешь. Отгрузят

тебе хоть целый килограмм, были бы только деньги. Кто отгружает? Этого девицы не знают, так как «тоннелем» их каждый раз угощали кавалеры – Ливерпуль и Мопсик. Где Мопсик и Ливерпуль добывали «тоннель», того девицы не знали. Ливерпуль и Мопсик ничего об этом девицам не говорили, а сами девицы не спрашивали. Да и как спросить? Это не такой вопрос, который можно задать так вот запросто, вслух. Мигом попадешь под подозрение, а тем, кто под подозрением, дорога в «Башню» закрыта. Равно как и в другие ночные заведения. И это в лучшем случае. Так что ни о чем про «тоннель» девицы у Мопсика и Ливерпуля не спрашивали.

Где еще, помимо «Башни», может быть «тоннель»? Этого девицы также не знали, но слышали, что во многих местах. Точнее сказать, во многих ночных клубах.

Какие отношения у девиц с Мопсиком и Ливерпулем? Тут у девиц возникла некоторая заминка с ответом. Можно сказать, что никаких особенных отношений нет. Так – что называется, от случая к случаю... К тому же Ливерпуль и Мопсик угощают девиц наркотиками. Сейчас в основном «тоннелем», раньше – всякими другими. Конечно, девицы не прочь были бы завести с ними и более основательные отношения. Одна – с Ливерпулем, другая – с Мопсиком. А почему бы и нет? И Ливерпуль, и Мопсик – ребята богатые. Верней сказать, богатые у них папа с мамой, но это без разницы. Но ни Мопсик, ни Ливерпуль, похоже, не рассматривают девиц в качестве серьезных партий. Хотя сами девицы на то очень надеются. Потому что где еще в нынешнее время найдешь состоятельных женихов?

Какое действие оказывает «тоннель»? Ну, как какое? Хорошее он оказывает действие. Никакой другой наркотик – ни анаша, ни героин, ни кокаин, ни всякая синтетика – такого действия не оказывает. А главное, для этого самого действия много «тоннеля» и не надобно. Так – две-три затяжки или укольчик. Да-да, «тоннель» можно курить, им же можно и колоться.

Откуда Ливерпуль и Мопсик добывают «тоннель»? Этого, опять же, девицы сказать не могут, потому что не знают. Правда, однажды Мопсик обмолвился, что поставляет наркотик какой-то Акробат, но Ливерпуль при этом цыкнул на Мопсика, и тот умолк. А сами девицы никакого Акробата не знают. Да и знать не желают. Им бы курнуть разочек этого самого «тоннеля», а больше им ничего и не нужно. Нет-нет, никакие они не наркоманки, они прекрасно понимают, что наркотики – это зло, а потому они и употребляют тот же «тоннель» лишь изредка, большей частью для того, чтобы развлечься. Потому что для чего же тогда ходить в ночные клубы, если там не развлекаться?

– Ну, вот и чудно, – подытожил разговор Мешалкин. – Теперь, красавицы, я вас отпускаю – как и обещал. Но только вот что. Никому о нашем разговоре ни слова! Иначе опять придется посадить вас в клетку к тому самому маньяку.

– А он и вправду маньяк? – испуганно спросила одна из девиц.

– Самый настоящий! – серьезным тоном подтвердил Мешалкин. – Так что никому и ничего!

– И Ливерпулю с Мопсиком? – спросила вторая девица.

– И им тоже, – назидательно произнес Мешалкин.

– А если они будут спрашивать?

– Ну, тогда вы им скажите, что вы нам сказали, что ничего не знаете, – витиевато посоветовал девицам Лосенок. – Они от вас и отстанут.

– Ага, ага! – закивали сразу обе девицы.

– Ступайте! – велел им Мешалкин.

– Ну что, примемся за граждан Ливерпуля и Мопсика? – спросил Герасимов, когда за девицами закрылась дверь.

– Примемся, – вздохнул Мешалкин. – А куда нам деваться?

* * *

Первым допрашивали Ливерпуля. Здесь надо сказать, что ни его, ни Мопсика не помещали в комнату для задержанных. И не потому, что оперативники проявили к ним сострадание, а просто, чтобы мажоры ни о чем не сговорились с девицами. То есть чтобы они не проинструктировали их, как себя вести на допросе и что говорить. Поэтому Ливерпуля и Мопсика просто отвели в отдельный пустой кабинет, сняли с них наручники, велели сидеть тихо во избежание неприятностей и заперли кабинет на замок. Ни телефона, ни каких-либо других способов связи в кабинете не было, так что связаться с окрестным миром Ливерпуль и Мопсик не могли. Не было у них возможности докричаться и через окно, так как оно выходило в глухой внутренний двор, огороженный высокой стеной. И тут уж хоть кричи, хоть не кричи – все равно не докричишься.

Поначалу, конечно, Ливерпуль вел себя вызывающе, демонстрировал свою независимость и то, что в определенных кругах называется крутизной, сулил оперативникам всяческие скорые и неминуемые несчастья и беды в их служебной карьере и личной жизни. Все три оперативника молча его слушали, страдальчески подперев подбородки кулаками.

– Ну что, выговорился? – спросил, наконец, Мешалкин. – Вернулся в действительность? Потолкуем по существу? Тем более что действительность твоя хреноватая. Можно даже сказать – безрадостная и бесперспективная. Потому как влип ты, парень, по самое по это. Ну, а коль влип, то и отвечать придется по полной программе. Ты, главное, уразумей, о чем я тебе толкую!

– Это куда же я влип? – с мрачной подозрительностью спросил Ливерпуль. – О чем это вы тут базарите?

– О «тоннеле» мы тут базарим, красивый ты наш! – пояснил Лосенок. – Вот в него-то ты и влип. Да так, что не видно для тебя света ни в конце тоннеля, ни в начале. Кранты тебе, парнишка. Крытая тюрьма! Несмотря на твоего богатого папашу и прочие подпорки и спасательные круги. Не спасет тебя твой папаша, ой, не спасет! И всякие прочие адвокаты тебе также не пригодятся. Четвертной тебе светит, как с куста! Ну, а что ты хотел? Торговля наркотиками – это, понимаешь ли... – Лосенок, произнося столь длинную и темпераментную речь, в конце концов выдохся и не договорил фразу до конца.

– О каком таком тоннеле идет речь? – буркнул Ливерпуль. – Что-то не понимаю я ваших намеков...

– Ну да? – в голосе Лосенка прозвучало просто-таки неподдельное изумление. – Неужто и вправду не понимаешь? Ай-ай-ай... Ай, как плохо, когда человек не понимает очевидных вещей! Плохо для этого человека – для кого же еще! Так и быть, дам дополнительные разъяснения. О наркотике я толкую под названием «тоннель»! О нем самом. И – о тебе. То есть о твоих любовных отношениях с этим самым «тоннелем»! Уразумел? Вот только не свисти, что ты первый раз слышишь это слово! Потому как имеются у нас неопровержимые доказательства! Ну, а коль они неопровержимые, то это для тебя – хуже не придумаешь. Крытая тюрьма! Двадцать пять лет без всякого снисхождения!

– Ты вот что, красавец! – вступил в разговор Герасимов. – Ты вместо того, чтобы брыкаться и корчить из себя авторитета, лучше призадумайся. Расскажешь нам все, как оно есть, отпустим на свободу. А там – твой родимый папаша, адвокаты... В общем, полная свобода для маневра. Хоть весь облепись адвокатами, хоть ночуй с ними в одной постели. А вот пока ты у нас – тут тебе никакой свободы! Тут, понимаешь ли, игра по нашим правилам.

На этот раз Ливерпуль ничего не ответил – он размышлял. А потом сказал:

– Ну, «тоннель»... Ну, пробовал я его один раз... А что, нельзя? По закону можно. Я законы знаю.

– Вот что, друг мой Ливерпуль! – Лосенок подсел к Ливерпулю и даже обнял его за плечи. – Знание законов – это, конечно, хорошо. Но тогда ответь нам, что бывает за торговлю наркотиками?

– А я торговал? – огрызнулся Ливерпуль. – Вы сначала докажите!

– Не торговал, так предлагал это делать другим, – к Ливерпулю с другой стороны подсел Герасимов. – Делал разные намеки... А это одно и то же, то есть та самая торговля. Даже еще хуже, так как в этом случае с тебя спрос не как с рядового распространителя, а как с организатора целой шайки наркоторговцев. Вот и смекай, если ты говоришь, что знаешь законы.

– Какие намеки? – Ливерпуль злобно взглянул вначале на Герасимова, а затем на Лосенка. – Никаких намеков никому я не делал!

– Кто такой Акробат? – спросил Мешалкин.

– Какой еще Акробат? – вскинулся Ливерпуль. – Не знаю я никакого Акробата!

– Нет, не будет у нас с тобой делового разговора! – вздохнул Лосенок, поднимаясь. – Да и ладно. Не хочешь, так и не надо. Дело хозяйское: или париться в тюрьге, или гулять на свободе. Судя по всему, ты выбрал тюрьгу. Что ж... – тут Лосенок артистически развел руками, – в нее-то мы сейчас тебя и спровадим. А вот с твоим дружкой Мопсиком поговорим. Уж он-то парень не промах, он куда умнее тебя! Значит, поговорим и отпустим его на свободу. А ты отправляйся в камеру. Ну, чего ты расселся? Вставай, и пойдем. Здесь недалеко...

Было заметно, что Ливерпуль испугался такого оборота событий и таких для него перспектив. А испугавшись, он вновь перешел на свою привычную манеру общения.

– Вы что, все оборзели? – истерично закричал он. – Припухли? Попутали берега? Да вы знаете, кто я такой?..

– Очень даже знаем, – вздохнул Лосенок, – подымайся, болезный, да пойдем. А то у нас мало времени. Ну, чего ты уперся? Кто ж тебе виноват, что ты бестолковый?

– Я скажу... – вдруг испуганной скороговоркой произнес Ливерпуль. – Что знаю, то и скажу. Спрашивайте...

– Неужто скажешь? – ухмыльнулся Лосенок. – А может, лучше в тюрьгу? Там, слышь ты, отдыхает самый настоящий маньяк. Красавец мужчина! Пообщаетесь...

– Скажу, – глядя в землю, пообещал Ливерпуль.

– Но только правду! – суровым тоном предостерег парня Лосенок.

– Что знаю, то и скажу, – ответил на это Ливерпуль.

– Это мудро, – одобрил Лосенок. – Зачем же говорить то, чего ты не знаешь? Этак мы и обидеться можем!

...И вот что поведал припертый к стенке Ливерпуль. Наркотик «тоннель» появился в городе недавно – два или, может, три месяца назад. Может, и раньше, но сам Ливерпуль отведал его именно тогда. Где отведал? В ночном клубе «Башня». Откуда он его раздобыл? На этот вопрос Ливерпуль долго не желал отвечать, так как боялся, что тот, кого он назовет, расправится с ним за такую откровенность. Пришлось оперативникам успокаивать Ливерпуля и в три голоса его уверять, что уж они-то ничего никому не скажут, а коль так, то откуда этот человек узнает об откровенности Ливерпуля?

Человека этого звали Акробат – именно так он представился Ливерпулю и Мопсику. А больше Ливерпуль ничего о нем и не знает. Что Акробату было надобно от Ливерпуля и Мопсика? Он уговаривал, чтобы они стали распространителями наркотика «тоннель». За это Акробат обещал частично расплачиваться деньгами, а частично – тем же наркотиком. Согласились ли Ливерпуль и Мопсик стать распространителями? Опять же на такой вопрос Ливерпуль долго не решался давать ответ, но потом сознался, что да, согласились. Но не продали никому ни единого грамма по той простой причине, что Акробат покамест не предоставил им товар. Когда он обещал предоставить? Завтра, но в какое именно время и в каком месте, он не сказал. Просто завтра он должен позвонить Ливерпулю по телефону и назначить время и место

встречи. Вообще-то факт передачи первой партии «тоннеля» должен был состояться сегодня, и для этой цели Акробат встретился с Ливерпулем и Мопсиком. Встретиться-то он встретился, но отчего-то ничего не передал и не объяснил почему. Да, это именно его, Акробата, подвожили сегодня на машине Ливерпуль и Мопсик. В условленном месте Акробат сел в их машину, а через какое-то время, ничего не объясняя, велел остановиться и вышел из машины, напоследок сказав, что перезвонит завтра.

Чем же так хорош «тоннель»? Вместо ответа Ливерпуль лишь хмыкнул и блаженно закаптал глаза. Это должно было означать, что ничего лучше он за всю свою жизнь не пробовал.

Показания Ливерпуля тщательно запротоколировали и даже записали на диктофон. Затем Ливерпуля отвели в тот же самый кабинет и принялись за Мопсика. Понятное дело, что поначалу Мопсик вел себя так же, как и Ливерпуль: он все отрицал, хамил, угрожал оперативникам скорой и неминуемой расправой... Впрочем, оперативники церемонились с ним меньше, чем с Ливерпулем. Они просто включили диктофон и дали Мопсику послушать все то, что наговорил Ливерпуль.

– Ну, теперь ты понимаешь, что нам твои показания в общем и целом до собачьего хвоста? – проговорил Лосенок. – Мы можем обойтись и без них. Так что если хочешь, можешь и дальше корчить из себя героя-подпольщика. Но только знай, что твоего дружка Ливерпуля мы сегодня отпустим, так как он – человек сознательный и встал на путь исправления, а вот тебя законопатим в камеру как человека, наоборот, несознательного и «злоупорного». И если такой вариант тебя устраивает, то ты нам так и скажи: да, мол, я страсть как хочу в тюрьму! Вот и весь расклад.

Таким образом, и Мопсик также был приперт к стенке, и ему не оставалось ничего другого, как рассказать все, что он знает и о «тоннеле», и о загадочной личности под прозвищем Акробат. После этого Мопсика до поры до времени отвели в тот же самый кабинет, где томился и Ливерпуль, и заперли за ним дверь.

Глава 5

После допроса Ливерпуля и Мопсика Мешалкин, Лосенок и Герасимов устроили совещание. Нужно было решать, что делать дальше.

– Брать надо этого Акробата, вот и все! – сгоряча воскликнул Лосенок.

– Как же, брать... – хмыкнул Герасимов. – Во-первых, мы не знаем, кто он такой. А во-вторых... Даже если каким-то чудом мы его вычислим и возьмем, то что мы ему предъявим? Слова этих двух оболтусов – Мопсика и Ливерпуля? Ну, это не доказательство...

– Оно, конечно, так, – почесал в затылке Лосенок. – Тем более что мы и впрямь ничего об этом Акробате не знаем. Кто он, как выглядит... Хотя почему не знаем! Еще как знаем! Разве не его мы с тобой сегодня видели с этими оболдуями Ливерпулем и Мопсиком? Его, родимого! А ведь я даже запечатлел его на камеру своего телефона. Вот же он, красавец!

И Лосенок принялся колдовать со своим телефоном. Но тут же и сник.

– Да, – сказал он, – а снимок-то неважный. Снимал-то с неудобной позиции и второпях. Хотя, я думаю, кое-что можно распознать и на таком снимке. Вот, посмотрите...

– Может, у меня получилось лучше? – спокойно спросил Мешалкин. – Тем более что я снимал не на камеру телефона, а фотоаппаратом. Давайте поглядим...

Действительно, с фотоаппаратом дело обстояло лучше. Снимок был не один, а несколько, со всех сторон, с близкого и с далекого расстояния, да притом и четкость снимков была на высоте.

– Ну, шеф! – с восторгом произнес Лосенок. – Ну, вы даете... Да как же это вы умудрились! Ведь вам и снимать-то было намного неудобнее, чем мне! Вот что значит высокий класс и опыт! Учись, босота! – глянул Лосенок на Герасимова.

– Это тебе надо учиться, – парировал Герасимов. – Снимал-то ты, а не я.

– Распечатать надо снимки, – прервал своих подчиненных Мешалкин. – Каждый снимок – в нескольких экземплярах. Пригодится.

– Это мы мигом, шеф! – воодушевленно отозвался Лосенок, усаживаясь за компьютер. – Уж здесь-то мы не подкачаем!

В кабинет неожиданно вошел Железняк и в изнеможении опустился на стул.

– Ты это отчего такой измочаленный? – с удивлением спросил Герасимов. – Будто за тобой гнались.

– Так ведь со свидания человек вернулся! – тотчас же отозвался Лосенок. – Понимать надо! Свидание с женщиной – дело тяжкое, это я тебе заявляю авторитетно и со знанием дела! Я прав, друг мой Архип?

– Можно сказать и так, – выдохнул Железняк. – Я ей, понимаешь ли, толкую за дело, а она мне норовит про любовь... Вот как можно работать в таких невыносимых условиях? Тем более что девочка и впрямь милая...

– Вот разгребем дела, и я вам всем устрою ликбез по правильному общению с милыми девочками, – пообещал Мешалкин.

– Ну, шеф! – покрутил головой Лосенок. – Я, конечно, извиняюсь, но такой курс я одолел и без вашей мудрой помощи. У меня, если вы не забыли, невеста есть!

– Ладно, – выдохнул Мешалкин. – Невеста, жена, влюбленная официантка... Архип, выкладывай, что ты узнал.

И Архип выложил. Да, действительно, наркотик под названием «тоннель» в «Башне» можно раздобыть очень даже легко и просто. Какими путями он в заведение поступает, того официантка не знает. Зато догадывается, через кого именно он поступает. Об этом догадываются все, кто работает в «Башне», но молчат. У каждого – своя причина, чтобы молчать. А поступает наркотик, по предположениям, через некоего Игоря Баранова, который числится в

«Башне» снабженцем. Впрочем, никто в заведении по имени и фамилии его не называет, а называют его по прозвищу. И прозвище это...

– Акробат! – осенило Лосенка. – Я угадал?

– Ну, – разочарованно протянул Железняк. – Так вы все знаете и без меня? Ребята, мне с вами неинтересно...

– Ничего мы не знаем! – запротестовал Лосенок. – Просто пока ты отсутствовал, мы тут напали на след одного типажа, которого, представь себе, также кличут Акробат. Вот я и подумал...

– Точно, Акробат, – подтвердил Железняк. – Моя красавица – официантка так и сказала...

– Так вот что я вам скажу, братцы! – Лосенок в восторге вскочил с места, едва не опрокинув компьютер. – Если вы думаете, что это совпадение, то никакое это не совпадение! Да! И там Акробат, и здесь тоже Акробат! Более того, теперь мы знаем его имя и место работы! А учитывая, что работает он в «Башне», в которой этого наркотика, что пыли...

В порыве чувств Лосенок не окончил фразы, да, собственно, ее и не надо было оканчивать. Всем все было понятно и так. Действительно, и там Акробат, и тут Акробат. Таких совпадений просто не бывает.

А потому немедля предстояло решить, что с этим самым Акробатом делать. Все понимали, что брать его немедля особого смысла не было. Ведь и в самом деле – что ему предъявишь? В том-то и дело, что ничего вразумительного. Только напугаешь, после чего он непременно заляжет на дно. И оборвется ниточка, которую в данный момент оперативники держали в своих руках.

– Попробуем на живца? – предложил Лосенок. – А что? Самый верный способ. Тем более что этот живец – в наших руках. Точнее сказать, целых два живца.

Никто Лосенку возражать не стал, все думали так же. Точно, лучший в данном случае способ взять Акробата – на живца. Ливерпуль и Мопсик в два голоса утверждают, что не сегодня завтра Акробат должен им позвонить, встретиться и передать партию «тоннеля» для реализации. Значит, позвонит и встретится. Логика здесь ясна – самому Акробату торговать «тоннелем» вразнос несподручно. У него, судя по всему, другие масштабы, он оптовик.

В принципе, передать наркотик Акробат должен был уже сегодня – ведь не зря же он назначил встречу Ливерпулю и Мопсику. Но отчего-то не передал: никакого наркотика при задержании Мопсика и Ливерпуля оперативники не обнаружили, а ведь они обыскали и самих задержанных, и их шикарный «Порше». А вот отчего не передал – тут, конечно, был вопрос. И ответов на него напрашивалось целых два. Ответ первый – Акробат для начала решил проверить, насколько Ливерпуль и Мопсик надежны как будущие розничные распространители: приедут ли они вовремя, на условленное ли место они приедут, в каком состоянии они будут... Ответ был очень даже логичен – именно так в большинстве случаев торговцы наркотиками и поступают, это, можно сказать, та самая формула, по которой они действуют. Что же касается другого ответа, то он вызывал тревогу. Возможно, Акробат почувствовал за собой слежку, оттого и не передал Ливерпулю и Мопсику наркотика для реализации. И если это так, то, конечно же, сегодня он Мопсику и Ливерпулю не позвонит. Да и вообще, скорее всего, не позвонит никогда...

Именно об этом и размышляли сейчас четверо оперативников. И поскольку все думали об одном и том же, то обмениваться словесными мнениями необходимости у них не было.

– Ладно! – подвел итог этому всеобщему раздумью Мешалкин. – Попробуем на живца. Все равно другого способа раскрыть этого Акробата у нас нет. Кстати, а где телефоны этих двух славных парней Мопсика и Ливерпуля? Помнится, мы изъяли их во время обыска...

– Да, изъяли и выключили – как и полагается, – ответил Лосенок. – Вот они, у меня.

– Ну, так включи их, – сказал Мешалкин. – И проверь, звонил ли кто-нибудь.

– Да, звонили, – ответил Лосенок. – И неоднократно... И одному, и другому. Ага. Ага... Хм, интересно... Даже очень интересно! Я бы сказал, перспективно! Вот смотрите... Входящие звонки и на один, и на другой телефон – самые разные. Значит, Мопсику звонили семь раз, Ливерпулю – целых десять. И все с разных номеров. Но! Есть звонки на оба телефона с одного и того же номера. По два звонка – и одному, и другому телефону. Причем буквально-таки с секундными интервалами. Очень похоже, что кто-то упорно и настойчиво пытался дозвониться до наших молодцев. Вначале два раза подряд до Ливерпуля, затем – почти моментально – два раза подряд до Мопсика. Интересно, интересно... Кто бы это мог быть? И почему такая спешка? Шеф, что вы на это скажете?

– Выпиши этот номер на бумажку, – сказал Мешалкин.

– Сей момент, – отозвался Лосенок. – Вот, готово.

– Проверь, – сказал Мешалкин Герасимову. – Скажи, что срочно.

Герасимов молча вышел. Вернулся он скоро – буквально через пять минут. Вид у него был торжественный и загадочный одновременно.

– Вот, – сказал он, – что наши умельцы узнали. Номер этот принадлежит некоему Игорю Викторовичу Баранову.

– Ого! – с восхищением произнес Лосенок. – Игорю Баранову! И там, значит, Баранов, и тут тоже Баранов! Только не говорите мне, что это всего лишь совпадение! Везет нам, однако!

Да, это можно было назвать везением, удачей, даже благоволением судьбы, как угодно. И там Баранов, и тут Баранов. И он разыскивает Ливерпуля и Мопсика. Причем разыскивает в срочном порядке, иначе не стал бы звонить два раза подряд вначале одному, а затем, сразу же, другому. А зачем, спрашивается, разыскивает? Ответов здесь, опять же, вырисовывалось целых два. Или чтобы убедиться, на свободе ли они, или чтобы срочным образом передать им партию «тоннеля» для реализации, и коль это так, то, значит, этот самый «тоннель» сейчас у него на руках. И кто-то с него требует, чтобы он реализовал его как можно скорее.

– Что ж, рискнем, – сказал Мешалкин. – Половим рыбку в мутной водичке. Ну-ка, доставьте сюда этих двух красавцев!

– Ох, и грызутся же, должно быть, они сейчас! – покрутил головой Лосенок. – «Зачем ты меня заложил ментам!» – «А ты зачем заложил меня!» Прямо театр! Прямо понаблюдать охота сквозь замочную скважину! Ладно, сейчас я их приведу!

* * *

– Вот что, красавцы! – сказал Мешалкин Ливерпулю и Мопсику, когда их доставили в кабинет. – Вижу, что вы оба живы, и это хорошо. Ну что, не передумали еще выйти отсюда на свободу с чистой совестью?

Красавцы дружно помотали головами.

– Вот и хорошо! – стараясь быть предельно серьезным, ответил Мешалкин. – Совершили ошибку – значит, нужно ее исправлять. Я прав?

Мопсик и Ливерпуль дружно кивнули.

– Ну, а коль мы нашли с вами общий язык, то вот что вы должны сейчас сделать...

...Решили, что звонить будет Ливерпуль. Но не из полицейского кабинета, а из «Порше» – так будет надежнее и вернее. Ливерпуля и Мопсика усадили в машину, телефон заранее включили на громкую связь. Сами же оперативники пристроились поблизости так, чтобы им все было слышно.

Акробат отозвался сразу же, будто бы он ждал, когда Ливерпуль ему позвонит. А может, и вправду ждал, как знать?

– Алло, – сказал Ливерпуль, – это я.

– Слышу, что ты, – ответил Акробат, и голос у него был раздраженным. – Куда это вы оба пропали? Звоню, а телефоны выключены. В чем дело?

– Да так, – беспечным тоном ответил Ливерпуль. – Зависли тут с девочками. А чтобы никто не мешал, мы отключили телефоны. Сам понимаешь, в такой ситуации телефоны только мешают.

Вся эта фраза была заранее придумана оперативниками. Для пущей убедительности Лосенок даже прорепетировал ее с Ливерпулем целых пять или шесть раз. «Вот так и говори! – напутствовал он Ливерпуля. – Именно таким тоном и такими словами».

– Ты где сейчас? – спросил Акробат.

– В машине, вместе с Мопсиком, – ответил Ливерпуль. – А что?

– Переключи телефон на видеосвязь! – потребовал Акробат.

– Зачем? – не понял Ливерпуль.

– Сказано – включи!

– Ну, включил...

– Покажись на камеру!

– Ну, вот он я...

– Поверти телефоном вокруг!

– Ну...

Ливерпуль, недоумевая, повел телефоном вокруг себя. Должно быть, Акробат на другом конце линии увидел и Мопсика, и салон машины и остался удивленным и удовлетворен. Потому что никаких других требований он больше не выдвинул.

– Через полчаса я жду вас на условленном месте! – тон, которым Акробат произнес эти слова, напоминал категоричный приказ. – Успеете?

– Успеем, – ответил Ливерпуль. – Мы тут неподалеку...

Он, наверно, хотел сказать еще что-то, но Акробат отключил видеосвязь.

– Где это условленное место? – спросил Мешалкин.

– Там, – ответил на этот раз Мопсик. – В том самом переулке, где вы сегодня нас повязали.

– Понятно, – ответил Мешалкин.

– И что нам делать теперь? – спросил Ливерпуль растерянным тоном.

– Выполнять наши инструкции! – четко произнес Мешалкин. – И не вздумайте хитрить! Иначе не видать вам свободы, и никакой папа вас не спасет. Вы меня поняли?

– Да, да, – дружно закивали Ливерпуль и Мопсик. – Мы сделаем все, как надо!

– Тогда поезжайте на своей машине на условленное место. А мы поедем за вами. Когда приедете, остановитесь, заглушите мотор и ждите. Если Акробата не окажется поблизости, позвоните ему и сообщите, что вы прибыли. И ничего больше!

«Порше» дернулся один раз, дернулся другой и тронулся с места. Мешалкин и Железняк поехали следом. Ехали они на этот раз на другой машине, которую майор ради такого случая выпросил у начальника уголовного розыска. Лосенка и Герасимова с ними не было. Они отправились на условленное место загодя, причем также в другой машине. Машина эта была рабочей вахтовкой, а сами Герасимов и Лосенок были одеты в костюмы водопроводчиков. Это чтобы Акробат, при всей его бдительности, не заподозрил в них оперативников.

«Порше» быстро доехал до места. Мешалкин и Железняк, как привязанные, ехали следом.

Прибыв на место, «Порше» еще раз дернулся, остановился и заглох. Мешалкин и Железняк, оставив машину за углом, с отсутствующим видом пошли по тротуару, постепенно приближаясь к «Порше». Лосенок и Герасимов находились неподалеку. Изображая водопроводчиков, они пытались открыть крышку канализационного люка. То ли крышка и в самом деле не поддавалась, то ли Герасимов с Лосенком делали вид, что она намертво заблокировалась, но факт оставался фактом: крышка упорно не желала открываться, и Лосенок на весь проулок

поносил ее самыми отборными словами, которые присутствуют в лексиконе любого уважающего себя водопроводчика.

– А вот и наш клиент! – вполголоса произнес Железняк.

– Вижу, – так же тихо ответил Мешалкин.

– Двигается прямо как зверь, – хмыкнул Железняк. – Осторожный человечек. Бдительный...

Акробат подошел к «Порше», осмотрелся и побарабанил пальцами в окошко. Задняя дверца автомобиля распахнулась, и Акробат, еще раз осмотревшись, сел внутрь. Тотчас же к машине с двух сторон подскочили Мешалкин и Железняк. По предварительной договоренности задние дверцы авто не должны были быть запертыми на замки, они и не были заперты. Мешалкин вломился внутрь машины с одной стороны, а с другой на сиденье с размаху плюхнулся Железняк. Что же касается Герасимова и Лосенка, то они не должны были приближаться к машине. Они выполняли роль подстраховщиков, потому что Акробат мог прибыть на встречу не один.

– Всем сидеть и не двигаться! – свирепым голосом заорал Мешалкин.

При этом он будто клещами ухватил руками Акробата за локоть. С другого боку точно такое же действие проделал и Железняк. Теперь Акробат не мог свободно двигаться, а значит, не мог тайком избавиться от наркотиков, если, конечно, они при нем были. Впрочем, он и не пытался двинуться, а тем более вырваться из цепкой хватки оперативников. Он был совершенно спокоен или, может, делал вид, что спокоен, – кто его знает? Второе было гораздо хуже первого. Если человек, застигнутый врасплох при совершении преступления, может сохранять спокойствие и выдержку, – это очень опасный человек. Он хуже зверя, потому что зверь, загнанный в угол, ведет себя совсем по-другому, он пытается вырваться на свободу...

– И что дальше? – бесстрастным тоном спросил Акробат.

Вместо ответа оперативники свободными руками бегло и умело принялись обыскивать Акробата. И очень скоро они нашли то, что и хотели найти, – сероватый порошок, расфасованный в отдельные маленькие полиэтиленовые пакетики, которые были соединены в общее целое. По сути, это была длинная полиэтиленовая лента со множеством отдельных кармашков, и в каждом кармашке находилось одно и то же содержимое – сероватый порошок.

– Вот что дальше, – ответил Мешалкин, извлекая ленту из-под одежды Акробата. – Еще какие-то вопросы у тебя будут?

Акробат ничего не ответил, лишь передернул плечами. Он по-прежнему казался спокойным и невозмутимым.

– А тогда прощу из машины, – сказал Мешалкин.

Все так же спокойно и невозмутимо Акробат вышел из автомобиля.

– Протяни руки, – сказал ему Железняк, доставая из кармана наручники.

Акробат, не глядя на Железняка, протянул ему руки, но как только сталь коснулась его запястий, он вдруг сделал кульбит в воздухе – буквально-таки перевернулся через голову – и таким образом оказался от Железняка и Мешалкина на расстоянии двух, а то, может, и двух с половиной метров. И тотчас же побежал по переулку.

– Ах, ты ж, собака!.. – только и сказал ошарашенный Железняк.

Понятно, что ни он сам, ни Мешалкин просто не ожидали от Акробата такого поступка. Зато, похоже, что-то подобное ожидали Лосенок и Герасимов. Когда Акробат оказался рядом с ними, Лосенок неожиданно бросился ему под ноги. Акробат не успел ни притормозить, ни свернуть, он запнулся о Лосенка и со всего маху упал на асфальт. И тут же сверху на него навалился Герасимов. Пока Акробат приходил в себя, Герасимов успел защелкнуть на его запястьях наручники. Но даже в таком безвыходном положении Акробат пытался вывернуться, стряхнуть с себя Герасимова, подняться и бежать дальше. Пытался, да ничего у него не получилось: во-

первых, Герасимов сам по себе был грузноват и тяжеловат, а во-вторых, попробуй-ка вскочить на ноги, когда на твоих запястьях наручники.

– Лучше не трепыхайся, – спокойно посоветовал Акробату Герасимов. – А то ведь ненароком втопчу тебя в асфальт так, что соскрести потом придется...

– Вот теперь, кажется, я понимаю, почему этого парня прозвали Акробатом! – проворчал Лосенок, вставая. – Слышь, а ты и вправду акробат, что ли?

Но Акробат на это ничего не ответил. К ним уже бежали Мешалкин и Железняк. Акробата подняли с асфальта, для острастки встряхнули его за шиворот и повели к машине, стоявшей за углом. Когда его вели мимо «Порше», оттуда раздался истошный крик. Похоже, это кричал Ливерпуль, а может, Мопсик, а может, и оба разом – кто его разберет?

– Акробат! – вопили из «Порше». – Это не мы! Мы не виноваты, мы тебя не сдавали! Это они сами!

Акробат никак не отреагировал на эти крики, у него лишь нервно дернулись уголки губ.

Глава 6

Когда тебя поймали с поличным, да еще с крупной партией наркотика, да вдобавок в твоём деле имеются свидетели, то отпираться или играть в молчанку может лишь круглый дурак или самоубийца. Похоже, Акробат не был ни тем, ни другим. А поэтому он не стал ни отмалчиваться, ни отпираться. Наоборот, он почти сразу же изъявил готовность сотрудничать со следствием и оказывать ему всяческое содействие. Тем более что Мешалкин и его подчиненные весьма доходчиво объяснили ему положение вещей.

– Если ты воображаешь, что легко вывернешься из наших рук, то мы тебя в этом разочаруем, – сказал майор. – Не вывернешься, даже не мечтай.

В ответ Акробат лишь передернул плечами.

– Вот ведь дурачок, – усмехнулся Мешалкин. – Ты, наверно, представляешь себя таким крутым парнем, мафиози высокого пошиба и все такое прочее? Думаешь, что кто-то тебя выручит, выкупит, устроит тебе побег... Ну, так думаешь ты потому, что ты покамест непуганый. А вот я тебя сейчас напугаю. Ты обыкновенный посредник, сбытчик, так называемый бригадир, у которого в подчинении находится всякая шелупонь вроде того же Ливерпуля или Мопсика. Зато над тобой – ребята покруче. А уж они-то с тобой церемониться не станут. Расколешься ты перед нами или не расколешься – это для них без разницы. Ты попался, а значит, ты им больше не нужен. Ты – отработанный материал. Теперь ты для них представляешь опасность, потому что можешь нам рассказать о них. Значит, проще всего тебя прихлопнуть. Вот сунем мы тебя в общую камеру, там-то, я думаю, все и случится. Найдется кому и в камере...

– А вот если ты парень с головой, то согласишься на наши условия, – продолжил Железняк. – Поможешь нам кое в чем...

– А взамен мы уберем тебя от неминуемой расправы, – сказал Лосенок. – У нас есть такая возможность, и даже не одна, можешь в том не сомневаться.

– Но, конечно, поможем мы тебе не за твои красивые глаза и не за твои акробатические таланты, – вступил в разговор Герасимов. – Правило здесь простое: ты помогаешь нам, мы помогаем тебе. Такое, стало быть, условие задачи...

– Что вам надо? – после молчания спросил Акробат.

– Всего-то – честно ответить на наши вопросы, – сказал Мешалкин. – И не думай, что можешь нас провести. Коль уж мы тебя вычислили и поймали, то и пойдем, врешь ты нам или нет.

– Я так думаю, что мне выгоднее молчать, чем откровенничать с вами, – мрачно усмехнулся Акробат. – Взять все на себя... Тогда останусь целым и без вашей помощи.

– Нет, не останешься! – усмехнулся Мешалкин. – Ты рассуди сам. Ладно, сегодня ты нам ничего не расскажешь и завтра тоже ничего не расскажешь. А вот, допустим, послезавтра – можешь и рассказать... А потому ты – потенциальная опасность для тех, кто выше тебя в вашей цепочке. Этаким источник сведений... И самое простое – заткнуть этот источник. Нет источника, нет и опасности.

– И молчал ли ты перед нами как герой-подпольщик, или все нам поведал сразу и во всех подробностях – никого это интересовать не будет. В любом случае им без фонтана проще и надежнее, чем с фонтаном. Ты уясняешь такое иносказание? – дополнил слова Мешалкина Лосенок.

– Но только не говори нам, что наркотик, который мы у тебя изъяли при твоём задержании, тебе подбросили или ты нашел его на улице! – усмехнулся Железняк. – Все равно не поверим, да еще и обидимся. Вот тебе еще одно иносказание.

– Хорошо, – угрюмо произнес Акробат. – Спрашивайте...

* * *

Перво-наперво оперативники пожелали узнать, кто поставляет в город «тоннель» и в каком количестве.

– Откуда мне знать, – пожал плечами Акробат. – Вы правильно сказали: я – бригадир. Я имел дело с одним поставщиком. Мое дело распространить наркотик и отдать поставщику деньги. Конечно, за вычетом моего гонорара, – усмехнулся Акробат.

– А что, большой гонорар? – уточнил Железняк.

– Десять процентов от суммы, – ответил Акробат.

– Это много или мало? – спросил Герасимов.

– Мне хватало, – Акробат еще раз мрачно усмехнулся.

– Сколько людей работает на тебя? – спросил Мешалкин.

– Шестеро, – сказал Акробат, помолчал и добавил: – Хотел завербовать еще двоих, да вот...

– Мопсика и Ливерпуля? – спросил Лосенок.

– Их...

– Тебе придется всех их назвать, – напомнил Мешалкин.

На это Акробат ничего не ответил, лишь скривился.

– Впрочем, об этом потом, – сказал Мешалкин. – Сейчас нас интересует тот человек, кто поставлял тебе наркотики.

– Только не убеждай нас, что ты о нем ничего не знаешь и что является он к тебе на встречу в маске летучей мыши! – усмехнулся Лосенок, и усмешка получилась жесткой и холодной, равно как и тон, которым были сказаны эти слова. – Не поверим...

Непонятно было – то ли усмешка, то ли слова, то ли все вместе подействовало на Акробата, но он с испугом взглянул на Лосенка, мотнул головой и ответил:

– Ну да, летучая мышь... Конечно... Елизаветой ее зовут. А фамилия – Матвеева. Она и поставляла.

– Вот так дела! – присвистнул Лосенок. – Поставщик женского пола! Дама!

– Дама, – подтвердил Акробат. – Моя любовница...

– Ну да? – не поверил Лосенок, но в голосе его слышалась ирония. – И поставщик, и по совместительству любовница. Или, может, наоборот?.. Ну, да неважно. Но только вот чего я не пойму. Что ж ты ее так легко обозначил, коль она, так сказать, предмет твоей душевной и разной прочей страсти? Уж не врешь ли ты?

– А почему я должен был молчать? – со злостью ответил Акробат. – Пускай и она ответит, коль уж втравила меня в это дело! – Он помолчал и добавил нецензурное ругательство.

– Ого! – воскликнул Лосенок. – Да тут, похоже, целый сценарий для стотридцатисерийного сериала! Роковая женщина и доверчивый юноша! Домохозяйки обрыдаются! А только для чего же ты встрял в такое нехорошее дело? Ведь не силком же она тебя вынудила!

– Думаю, что и ты встрял бы, как и я, коль увидел бы ее, – усмехнулся Акробат. – Не устоял бы...

– Что, такая красавица? – усмехнулся в ответ и Лосенок.

– Познакомись – оценишь, – сказал Акробат. – К тому же нужны были деньги... Которые я в основном тратил на нее.

– А что, ей было мало своих денег? – спросил Железняк. – Небось, от этого дела она имела больше твоего.

– Таким всегда мало! – буркнул Акробат.

– Ну, ты вообще! – покрутил головой Лосенок. – Идти на такое паскудное дело из-за бабы, которая, насколько я понял, стерва стервой! Ведь она же стерва, я правильно уразумел? Ну, вот... Я даже начинаю тебе сочувствовать как мужчина мужчине...

– Ладно! – прервал всю эту лирику Мешалкин. – Адрес ее ты знаешь?

– Если я там ночую... вернее, ночевал, то, конечно, знаю, – ответил Акробат. – Записывайте или запоминайте...

– Еще один вопрос, – сказал Мешалкин после того, как адрес был назван и записан. – Почему наркотик называется «тоннель»?

– Ну, надо же его как-то назвать, – пожал плечами Акробат. – А вообще-то... Помню, Лизка как-то обмолвилась... Говорила, будто поставляют его к нам через какой-то тоннель. Оттого и название...

– Тоннель? – переспросил Мешалкин. – Какой тоннель?

– Не знаю... – дернул плечом Акробат. – Тоннель... Лизка говорила, что он где-то в горах. На границе. Таинственный тоннель, о котором никто не знает. Кроме тех, кто через него поставляет наркотики. А где именно он находится, того она не говорила. Да я и не спрашивал...

– Тоннель, – задумчиво произнес Мешалкин. – Таинственный тоннель в горах. На границе... Ну-ну...

Глава 7

После того как Акробата отвели в камеру, оперативники устроили небольшое совещание. Нужно было решать, что делать дальше.

– А что делать? – пожал плечами Железняк. – Понятно что – брать за жабры эту самую Елизавету.

– У таких женщин, помимо жабр, имеется еще и хвост! – хмыкнул Лосенок.

– А ты откуда знаешь? – хохотнул в ответ Железняк.

– Знаю! – вздохнул Лосенок. – Натерпелся я от таких-то за всю свою скорбную жизнь! Ученый... Вот увидишь, когда мы ее возьмем, с хвостом она будет. Гарантирую.

– Самолично, что ли, проверять будешь? – заинтересованно спросил Железняк.

– А и проверю для всеобщей пользы дела! – махнул рукой Лосенок. – Потому что одно дело, когда женщина с хвостом! И совсем другое дело, когда она без хвоста! Так что если наш начальник даст такую команду... – Лосенок озорными глазами посмотрел на Мешалкина.

– Обязательно дам, – сказал майор. – Как не дать... Вот только возьмем ее и... Тут весь вопрос в том, как бы ее половчее взять. Когда именно, каким способом...

– Да что тут думать! – махнул рукой Лосенок. – Чем быстрее, тем лучше! Вот что я предлагаю. А давай-ка мы с Серегой организуем наблюдение за ее квартиркой. Примем какой-нибудь образ, обоснуемся... А вы, шеф и Архип будете на подхвате. Словом, сделаем так, как и в первый раз, когда брали Акробата. Повезло с Акробатом – повезет и с его Марусей...

– С Елизаветой, – поправил Герасимов.

– Да какая разница? – поморщился Лосенок. – Маруся, Елизавета... Главное – сделать дело. Ну, так как же? А то ведь уже вечерет!

На этот раз Лосенок и Герасимов решили принять образ слесарей-газовщиков. Необходимое снаряжение и соответствующие костюмы у них имелись. Сыщик – он должен уметь маскироваться и принимать какой угодно образ, а как его примешь, если у тебя нет подходящего антуража? Переоделись в оранжевые костюмы, Лосенок прихватил с собой сумку с инструментами, сели на «жигуленок» и поехали. А Мешалкин и Железняк на другой машине тронулись следом.

* * *

Действительно вечерело. А потому надо было торопиться – иначе кто тебя пустит в квартиру? Еще и в полицию позвонят: вот, мол, на дворе – вечер, а тут два каких-то типа шляются по подъездам в костюмах слесарей-газовщиков и норовят проникнуть в квартиры... И тогда операция по поимке распространителя наркотиков Елизаветы Матвеевой окажется сорванной. Еще и скандала не оберешься, когда обо всем узнает начальство. Вот, дескать, одни полицейские помешали другим полицейским...

Поэтому, прибыв на место, Лосенок и Герасимов решили начать с того подъезда, где, по словам Акробата, располагалась квартира его любовницы. Квартира же, как вычислили сыщики, находилась на третьем этаже.

– Ладно, хоть не на двенадцатом этаже! – проворчал Лосенок. – А то ведь сколько напрасной работы пришлось бы проделать! Второй этаж, третий, десятый... Все ноги оббили бы!

– А тогда и начали бы с двенадцатого! – пожал плечами Герасимов. – Кто нам не дает?

– И в самом деле, – иронично сказал Лосенок. – Что-то я сам до того не додумался... Должно быть, старею... А тогда – может, сразу начнем с третьего этажа? Чтобы не делать напрасную работу?

– Э нет! – не согласился Герасимов. – А вдруг кто заподозрит – отчего, мол, мы начали именно с третьего? И тогда наша дамочка нам просто не откроет... Нет уж, лучше не рисковать. Сначала так сначала. Тем более что на двенадцатый этаж карабкаться все-таки не нужно...

На первом этаже жилых помещений не было, там располагался магазин, юридическая консультация и еще какие-то сугубо официальные заведения. Квартиры начинались на втором этаже. Сыщики поднялись на второй этаж, громко между собой разговаривая и звякая железом. Они делали это преднамеренно, чтобы жильцы не сомневались, что это именно слесари-газовщики, а не кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.